

образом осуществляется учет рабочего времени работников юридического лица и какими локальными актами юридического лица это предусмотрено?»; «Ознакомлены ли вы с этими локальными актами?»; «Ознакомлены ли вы с нормативными правовыми актами, регламентирующими порядок учета рабочего времени в Республике Беларусь?»; «Какие должностные лица юридического лица и на основании каких сведений составляют и утверждают таблицы учета рабочего времени?»; «Каким образом осуществляется пропуск работников на территорию юридического лица?»; «Имеются ли у каждого работника идентифицирующие его личность пропуска?».

В заключение отметим, что приведенный перечень вопросов является типовым для допроса подозреваемого по делам о злоупотреблении властью или служебными полномочиями. В то же время этот перечень должен быть расширен в зависимости от обстоятельств конкретного уголовного дела и сложившейся следственной ситуации. Кроме того, в ходе реализации предложенной типовой программы допроса по делам о злоупотреблении властью или служебными полномочиями целесообразно подготовить и многовариантную программу допроса, суть которой заключается в формулируемой тактической программе в зависимости от линии поведения допрашиваемого.

УДК 343.98

И.Л. Жаркевич

О ПОНЯТИИ ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В рамках производства предварительного расследования установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания по конкретному делу, во многих случаях сопряжено с необходимостью получения и исследования криминалистических следов и объектов различной природы. Данный процесс неизбежно вызывает потребность в привлечении к уголовному процессу лиц, обладающих соответствующими специальными знаниями, одной из организационно-правовых сфер применения которых является экспертно-криминалистическая деятельность (ЭКД).

Рассмотрение процесса возникновения понятия ЭКД предполагает анализ ее отдельных положений с философской точки зрения. Для того чтобы уяснить сущность ЭКД и ее место в общей системе научно-технического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, необходимо проанализировать становление и поступательное развитие этого понятия. Однако до появления понятия ЭКД в криминалистике широкое распространение получил термин «криминалистическая деятельность».

В научную сферу словосочетание «криминалистическая деятельность» было введено Р.Г. Домбровским, хотя с оговоркой, что в чистом виде ее нет, лишь условно возможно деление расследования преступлений на процессуальную, криминалистическую, оперативно-розыскную и другие виды деятельности. Введение понятия «криминалистическая деятельность» вызвало как положительную, так и отрицательную реакцию. С.В. Лаврухин выражает свою поддержку Р.Г. Домбровскому, утверждая, что «отрицание криминалистической деятельности равносильно отрицанию криминалистики. Деятельность этого вида объективно существует на практике. Решение многих организационных вопросов расследования, выдвижение версий, планирование расследования и многое другое – все это криминалистическая деятельность в „чистом» виде“».

Отрицательное отношение к выделению этого вида деятельности неоднократно высказывал Р.С. Белкин. От утверждал, что «нет, и не может быть никакой „криминалистической деятельности“ в процессе расследования, помимо деятельности процессуальной, оперативно-розыскной или административно-правовой».

Обращая внимание на позицию Р.С. Белкина, следует все же с ним не согласиться, потому что криминалистическая деятельность имеет право на существование, она является емкой категорией и включает в себя научные исследования в области криминалистики, криминалистическую подготовку кадров (как один из элементов их профессиональной подготовки) и, наконец, криминалистическое сопровождение раскрытия и расследования преступлений.

Полагаем уместным дальнейшее исследование криминалистической деятельности как организационно обособленной от иных видов деятельности, а вместе с тем объединенной с ними в общей системе научно-технического обеспечения уголовного процесса, которая с содержательной точки зрения включает в себя помимо указанных видов деятельности еще криминалистическое обеспечение и криминалистическое сопровождение.

Принимая во внимание эти аспекты, в криминалистике правомерно говорить о криминалистической деятельности, включающей две ее разновидности, осуществляемой специально созданными организационно обособленными подразделениями либо учреждениями, – это ЭКД и судебно-экспертная деятельность (СЭД).

СЭД по своему содержанию представляет решение конкретно обозначенных в постановлении о назначении экспертизы задач путем исследования представленных на экспертизу объектов, как правило, с использованием апробированных методик и в них определенного инструментария – средств использования. СЭД коренным образом отличается от ЭКД по решаемым задачам, условиям их решения, используемым при этом методам и средствам, наконец, по правовому значению их результатов. И тем не менее эти два разных вида деятельности фактически определяют двуединый процесс собирания и исследования доказательств, составляющих основу криминалистической деятельности. Полагаем, что некорректно противопоставлять их в смысле значимости для раскрытия и расследования преступлений.

Формирование ЭКД помимо СЭД вызвано тем, что кроме эксперта существует процессуальная фигура специалиста с соответствующими правами и обязанностями, установленными законодательством Республики Беларусь. Особо подчеркнем, что у эксперта и специалиста имеется различный перечень обязанностей в соответствии с их компетенциями. Следует обратить внимание, что задачи и функции специалиста, связанные со спецификой поисково-познавательной деятельности, не входят в содержание СЭД.

Целесообразность обособления ЭКД не только как понятия, но и как стоящей за ним самостоятельной области деятельности обусловлена причинами и потребностями практики, поскольку общеизвестно, что необходимым условием функционирования и дальнейшего развития каждого из институтов в области уголовного судопроизводства является формирование его основ, носящих комплексный характер и включающих в себя теоретические, правовые и организационные направления.

По нашему мнению, теоретические основы ЭКД должны составлять прежде всего положения криминалистики, так как ЭКД формируется в недрах криминалистики и адаптирует ее данные в контексте актуальных проблем своего развития.

Несмотря на широкое использование термина ЭКД в специальной литературе и анализ данного вида деятельности в работах таких ученых, как Т.В. Аверьянова, Б.М. Бишманов, А.Ф. Волынский, И.Ф. Крылов, А.М. Кустов, И.М. Лузгин, С.Н. Новиков, Н.И. Порубов, Н.П. Яблоков и др., устоявшегося определения так и не сложилось, между тем, по нашему мнению, его можно сформулировать следующим образом.

ЭКД – это одна из организационно-правовых форм использования специальных знаний, ключевой задачей которой является обнаружение, фиксация, изъятие и исследование следов и иных вещественных доказательств с применением технико-криминалистических методов и средств с целью раскрытия и расследования преступлений.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что в современном уголовном процессе необходимо провести всесторонний объективный научный анализ поступательного развития понятия ЭКД. Полагаем, что это приведет к повышению эффективности деятельности органов уголовного преследования в вопросах привлечения специалиста и непосредственного использования специальных знаний при производстве следственных действий.

УДК 343.1(476)

В.П. Зайцев

СУБЪЕКТЫ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО И ИХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ

Субъект (лат. subjectus – лежащий внизу, находящийся в основе) – носитель предметно-практической деятельности и познания (индивид или социальная группа), источник активности, направленной на объект.

В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., в котором современное название меры принуждения «наложение ареста на имущество» впервые сформулировано законодателем, полномочиями на его применение обладали судебный следователь (ст. 268) и суд (ст. 851, 1207). Наложить арест на имущество по УПК БССР 1923 г. был вправе только следователь (ст. 121, 121а), при этом в законе появляется предложение суда или прокурора о применении предполагаемой меры принуждения (ст. 121а). По смыслу ст. 174 «Наложение ареста на имущество» УПК БССР 1960 г. единственным субъектом наложения ареста на имущество являлся следователь. Однако категоричность законодателя в этом отношении снималась положениями ст. 235 «Меры обеспечения гражданского иска и конфискации имущества» того же уголовно-процессуального закона, которая косвенно указывала на то, что помимо следователя факультативными полномочиями по наложению ареста на имущество обладали лицо, производящее дознание, суд или судья. При этом из ст. 122 «Органы предварительного следствия» исходило, что следователями могли выступать в том числе должностные лица прокуратуры, а также органов государственной безопасности.

Действующий УПК определяет следующих субъектов применения меры процессуального принуждения «наложение ареста на имущество»: орган дознания, следователь, прокурор и суд. Вместе с тем соответствующие им понятия выступают собирательными и предполагают расширительное толкование. В соответствии с ч. 1, 2, 5, 6, 12 ст. 132, ч. 2 ст. 156 УПК полномочия по наложению ареста на имущество следует разделять на принятие процессуального решения о наложении ареста на имущество и непосредственное исполнение такого решения.

Принять процессуальное решение о наложении ареста на имущество вправе руководитель органа дознания, его заместитель (ч. 1, 5, 9 ст. 38 УПК); в Вооруженных Силах и транспортных войсках – военный комендант военной комендатуры в зоне ответственности военной комендатуры, командир воинской части, соединения, начальник военного учебного заведения, организации Вооруженных Сил и гарнизона, а в других войсках и воинских формированиях – командир воинской части, соединения, начальник органа пограничной службы, начальник военного учреждения (п. 3 ч. 1 ст. 37 УПК); начальник учреждения, исполняющего уголовное наказание в виде лишения свободы, начальник следственного изолятора (п. 4 ч. 1 ст. 37 УПК); капитан морского или речного судна, командир воздушного судна, находящихся вне пределов Республики Беларусь (п. 9 ч. 1 ст. 37 УПК); глава дипломатического представительства, консульского учреждения Республики Беларусь (п. 10 ч. 1 ст. 37 УПК); начальник следственного подразделения (п. 8 ч. 2 ст. 35 УПК); следователь (ч. 3 ст. 36 УПК); прокурор (ч. 4 ст. 34 УПК); заместитель прокурора, суд (ч. 2 ст. 156 УПК); судья (ст. 284 УПК); Председатель Следственного комитета (ч. 5 ст. 35, ч. 5, 6 ст. 132 УПК); Председатель Комитета государственной безопасности (ч. 5, 6 ст. 132 УПК).

Непосредственное исполнение процессуального решения о наложении ареста на имущество может быть реализовано руководителем органа дознания, его заместителем (ч. 1, 4, 9 ст. 38 УПК); должностными лицами, перечисленными в ч. 1 ст. 37 УПК; уполномоченным должностным лицом органа дознания (ч. 2 ст. 39 УПК); начальником следственного подразделения (п. 8 ч. 2 ст. 35 УПК); следователем (ч. 5 ст. 36 УПК); прокурором (п. 3 ч. 5 ст. 34 УПК); заместителем прокурора, судебным исполнителем или иным работником органа принудительного исполнения, кроме лиц, осуществляющих обеспечение деятельности и техническое обслуживание этого органа. По причине отсутствия в законе прямых запретов на исполнение процессуальных решений о наложении ареста на имущество непосредственно судьей, Председателем Следственного комитета, Председателем Комитета государственной безопасности полагаем, что такие их действия следует считать допустимыми и возможными.